

М. П. Волков

МИФ КАК ВИД ТВОРЧЕСТВА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Ни один духовный феномен в истории культуры не вызывал такого многообразия подходов к постижению сущности и такого множества (нередко взаимоисключающих) толкований своей природы, как миф. Неустрашимость мифа из истории познания, истории цивилизации и культуры, его поразительная «живучесть» делают миф весьма привлекательным объектом анализа. Отмеченная привлекательность порождена метафоричностью языка, роднящей его с искусством; причастностью к возникновению философии, которая начинается с рационального переосмысления мифа; особенностями мифологического мышления, спектр оценок которого колеблется от объявления его дологическим, что проявляется в несоблюдении логического закона «исключенного третьего» и терпимом отношении к противоречиям, до признания его вполне рациональным и даже научным и т. п.

Миф представляет собой древнейшую форму мировоззрения и в этом качестве предстает как способ обоснования, освоения и трансляции норм культуры. Познание мифа, выявление его законов не составляет основного предназначения мифа. Его миссия - задать и утвердить в качестве неукоснительно соблюдаемых ценности и эталоны деятельности, поведения и коммуникации, обосновать в качестве незыблемых некие «межевые знаки», отделяющие человеческие формы общежития от животного царства. Миф - это сказание о том, как «возникли определенные формы поведения, установления и трудовые навыки; именно поэтому миф составляет парадигму всем значительным актам человеческого поведения» [1; с. 28].

Вырастая из жизненной потребности архаического человека преодолеть господствующие над ним силы природы, миф выступает способом санкционирования социальных начал на пути ухода человека от природы¹. Естественно, что архаическое сознание находит именно в сверхъестественных силах, принимающих вид духов, мифических предков, богов, наиболее адекватную форму сущностей, способных явиться гарантом существующего миропорядка, сохранения введенных эталонов и их соблюдения.

Тем самым миф предстает как древнейший вид духовного творчества. Противоречивость всякого процесса творчества состоит в том, что будучи привязанным к строго определенным пространственно-временным параметрам своего осуществления, он одновременно выступает как нацеленный на снятие ограничений, поставленных наличным опытом, знаниями, методами решения задач. Миф, как и сросшаяся с ним магия, возникает в условиях бессилия человека перед обстоятельствами и предстает как способ конструирования мира

¹ В подтверждение сказанного сошлемся на такой феномен: в мифах народов Америки часто встречающимся наказанием за нарушение общинных (социальных) начал жизни людей, например, законов гостеприимства, является превращение людей в животных, то есть возвращение человека в лоно природы.

с позиций оптимизма, как форма победы надежды над обрекающим на неудачу отчаянием. Этим и объясняется особая - энигматическая логика (Я. Э. Голосовкер), или логика желания, для которой характерно снятие всяких запретов и ограничений, налагаемых здравым смыслом. По мере развития практики, складывания инвариантов предметных действий и социальных отношений, выступающих основанием укрепления реального оптимизма и принимающих в сознании форму устойчивых схем, фигур логики, в мифологическом мышлении должны были возникать точки бифуркации, свидетельствующие о формировании в горизонте мифа нового качества в осуществлении техники мышления.

Миф представляет собой древнейшую форму воплощения идеи единства, целостности мироздания. Для архаического сознания убеждение в единстве мира принимало вид утверждения, «что в жизни царит некий изначальный порядок, который охватывает жизнь человека, жизнь общины, жизнь всего мироздания, связывая нити судеб личности, общины, мироздания в единый тугой узел» [2; с. 51]. Проглядывающее в этом представлении стремление человека выйти за пределы наличного знания и опыта, понять и объяснить устройство мира в расширенных до каких-то абсолютных масштабов границах отличается в нацеленность сознания на создание стройных моделей окружающей человека действительности, в которых все явления будут упорядочены, разнесены по определенным разрядам в соответствии с каким-то фундаментальным принципом.

Типичным способом описания реальности в языке большого числа существующих архаических культур является обращение к принципу двоичности, к языку бинарных оппозиций. При этом каждый из признаков, используемых в ходе описания, связывается в пару со своим антонимом. Тем самым задаются ряды связанных по принципу противопоставления признаков, типа «левый-правый», «земной-небесный» и т. п., которые и составляют классификационную сетку для соответствующего противоположения описанных посредством этих оппозиций объектов.

В задаваемых рядах классификационных оппозиций можно наблюдать не только антиномию (по горизонтали), но и синонимию (по вертикали), то есть налицо факт семантического сходства признаков, принадлежащих к одной и той же стороне различных оппозиций - правой или левой. По логике этого связывания «женский», «пассивный», «земной» и т. п. оказываются признаками, взаимно обозначающими и дополняющими друг друга.

Диалектика архаического сознания, не удовлетворившись противопоставлением оппозиционных признаков, идет по пути усложнения схематики мыследеятельности, вводя между ними посредников. Мифопоэтическое сознание, окончательно не отделившееся от природы, обожествляющее ее, ищет места, где небеса встречаются с землей, в окружающем естественном мире, возлагая функцию модииции - так К. Леви-Строс [3] называет присущую архаическому сознанию способность по связыванию находящихся в отношении оппозиции явлений - на предметы, действия и состояния, которые в рамках двоичной классификации не укладываются целиком ни в одну из сторон оппозиции, но одновременно

принадлежит к обеим сторонам. Таким значением обладают предметы, возвышающиеся над одноплоскостью смысла земной стороны оппозиции, обладающие истиной иной стороны, принадлежащие и «земле» и «небу» (дерево, гора, столб дыма), а также места, осязаемо выражающие идею связывания, соединения (слияния рек, перекрестки, опушки леса и т. д.).

Использование принципа двоичности позволяло архаическому сознанию создать стройную систему мироздания, где за каждым явлением закреплялось четко отведенное место, что отвечало глубинной потребности древнего общества и подводило человека к признанию существования в мире фундаментальных инвариантов: архаическое сознание называет их божественным установлением, предопределением, судьбой; будущая наука назовет их законом.

Миф при всей свойственной ему конкретности и опоре на непосредственное переживание содержит в себе тенденцию, обеспечивающую вызревание элементов рационалистического подхода к постижению мира. Отмеченная Леви-Стросом страсть архаического сознания к поиску медиаторов сказывается и на технике обобщения: находящиеся в распоряжении мышления чувственно-образные по своей природе элементы могут выступать в роли посредников между образом и понятием, принимая форму знака: в последнем же снимается оппозиция «чувственное-умопостигаемое».

Сами вводимые мифологическим мышлением оппозиции разделяются по крайней мере на две большие группы: в первой представлены фиксируемые на чувственном уровне органами чувств противоположности (сухой-влажный, мягкий-твердый, тихий-громкий и т. п.), вторую составляют оппозиции, раскрывающие неочевидную логику форм (внутренний-внешний, непрерывный-дискретный, совместный-несовместимый и т. п.). Тем самым за логикой чувственно фиксируемых качеств угадываются глубинные слои мироздания, требующие концептуальных процедур.

Таким образом, развитая архаическим сознанием мыслительная техника, развернутая в моделировании мироздания, подготавливала будущую науку с ее способностью оперировать идеализациями, замещающими реальные вещи и их отношения.

Библиографический список

1. Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде. - М., 1996.
2. Иорданский, В. Б. Хаос и гармония / В. Б. Иорданский. - М., 1982.
3. Леви-Строс, К. Структурная антропология / К. Леви-Строс. - М., 1985.